

224

*Даная
Инхестер*

Семейная традиция

проба пера

У нашего юного автора редкое имя, а в сочетании с фамилией оно вообще звучит как творческий псевдоним. Но я-то знаю, что имя настоящее. С обаятельной Данаей Инхестер я познакомилась на литературной встрече летом 2023 года во дворе так называемого «Серого дома» на улице Назарбаева, где ребята в возрасте от 9-ти до 14-ти читали свои истории о знаменитом казанском здании, которому скоро исполнится сто лет. Отрывок из весьма необычного повествования Данаи об этом историческом доме предлагаем сегодня вашему вниманию, дорогие читатели альманаха. Скажу по секрету, наш юный автор замыслил его как роман.

Наиля Ахунова

Яблочный пирог

...МАМА пекла яблочный пирог с корицей. А мы с маленьким Адамом крутились возле мамы и пирога. Стояли на коленках, склонив головы к духовке и глотали слюнки. Это такое выражение. Образное.

– Если нажать вот эту кнопку, – учила я Адама, – то можно рассмотреть получше.

– Давай, давай посмотрим! – просил Адам.

И мы включали свет и любовались пирогом. И предвкушали, как будем его есть. Вот хлопнула входная дверь – это уже и бабушка пришла из магазина. И папа выключил компьютер. Значит, сегодня он больше работать не будет. А капризный пирог всё ещё сидел в духовом шкафу и дразнил нас.

Наконец мама скомандовала:

– Всё, время вышло, вынимаем!.. Бегите, дети, скорее к соседям и приглашайте их к столу!

Мы с Адамом, радостные, побежали за соседями, обгоняя друг друга. Потом помогали маме накрыть на стол – раскладывали тарелки и столовые приборы. Бабушка поставила вазочку с вареньем. Папа принёс откуда-то шоколадные конфеты. Но, конечно, самым главным – королём нашего стола – был яблочный пирог.

Рецепт этого пирога передавали в нашей семье из поколения в поколение. Я, например – одно поколение. Мой племянник Адам – уже следующее. Мама из другого поколения. А моя бабуля из самого древнего. Ну а своих прабабушек я не видела ни разу, только слушала рассказы о них и смотрела фотографии.

В нашем доме есть большая, просто даже огромная толстая книга, на обложке которой написано «Родовая книга». То есть в ней – всё о нашем роде, об истории семьи. Я так понимаю, что там про то, кто откуда взялся. Ну и, конечно,

есть много альбомов со старыми фотографиями, которые мы с Адамом любим смотреть. Мы берём с ним старые дедушкины лупы и разглядываем через них фотографии. Это очень смешно, ведь лупа – это такое увеличительное стекло. И маленькое лицо на фотографии становится больше в размере. Вот если смотреть без лупы – лицо прабабушки маленькое. А если через – оно большое. И глаза большие, и рот большой, и нос.

Раздался звонок – это пришли соседи. Дядя Миша и тётя Маша. Они живут напротив нашей квартиры. Я часто вижу их на лестничной площадке. Как бы сказал папа, мы часто с ними «пересекаемся». Я даже пробовала выходить в школу из своей квартиры чуть пораньше или, наоборот, попозже. Но по иронии судьбы я всё-таки с ними пересекаюсь. Нельзя сказать, что мне это не нравится. Если тётя Миша, ой – тётя Маша, спросит меня, что я люблю, то я, конечно, отвечу, что шоколадные конфеты. А вдруг она спросит меня, как дела в школе? Как я написала, например, контрольную по математике? Или она как бы невзначай поинтересуется: «А кто это у вас вчера вечером, часиков в десять уже, шумел и кричал, а?» Вот это мне слышать как раз было бы неприятно. Поэтому и стараюсь выходить из дома чуть раньше или чуть позже. Но каждый божий день – так бабушка говорит – всё равно встречаюсь с тётей Машей. Это судьба!

Совсем другое дело, когда все сидят за накрытым столом и жуют превосходный яблочный пирог, которому уже сто лет. Вернее, рецепту сто лет. Так вкусно, что и разговаривать неохота. Если только так – поддерживать разговор из приличия.

Но вот наконец все усадились за накрытый стол и загремели чашками-ложками.

И на этот раз пирог нас не подвёл, он был таким вкусным, что очень скоро

не осталось даже крошки. И тогда начались разговоры. Тётя Маша с дядей Мишей рассказывали о своей семье, о семейных традициях. Тётя Маша без остановки говорила, и это хорошо, а то вдруг бы она спросила меня или Адама, какие семейные традиции мы знаем.

Не-е-ет, лучше съесть ещё один пирог, чем отвечать тёте Маше.

Дядя Миша поглаживал усы, словно боялся, что они исчезнут. Усы пока были на месте. Папа, мама и бабушка внимательно слушали тётю Машу, пока дядя Миша, в очередной раз проверив усы, не спросил:

— А у вас какие семейные традиции?

Мама секундочку подумала, улыбаясь чему-то, и, вынув чайную ложечку из чашки, сказала:

— В нашей семье есть такая традиция, причём в каждом поколении, — жениться обманом.

Вот это да! Я даже поперхнулась чаем от неожиданности. Жениться обманом!

Папа мой усмехнулся, бабушка улыбнулась... Сразу стало ясно, что они знают, о чём говорит мама. Но мы-то с Адамом и с тётей Мишей, ой, с тётей Машей и с дядей Мишей впервые об этом слышим! Мы с интересом придвинулись к маме, и она начала свой рассказ.

История Мари

— В нашей семье, — сказала мама, — эту традицию называют французской историей, или историей Мари. Все мужчины в нашей семье женятся обманом. Это — традиция по линии моего отца, то есть по его материнской линии. Мой папа, мой дедушка, мой прадедушка, мой прапрадедушка обманом брали в жёны наших бабушек и прабабушек! Конечно, дело не обходилось без любви и взаимной симпатии, но коварный план

мужской половиной прорабатывался грамотно, и все девушки-красавицы, попадали на крючок.

Тут я представила своего прадедушку, который на червяка выловил прабабушку, и мне стало очень смешно.

Но мама почему-то посмотрела на меня строго:

— Обманывать вообще-то нехорошо, но традиция есть традиция, и ничего тут не поделаешь... Не избежали этого ни бабушка, ни прабабушка, ни прапрабабушка, а началось это как раз с неё, с француженки. Ведь моя прапрабабушка по линии отца была из Франции. Происходила она из знатного старинного рода. Её красота, изящество и аристократические манеры притягивали взгляды многих интересных и богатых мужчин. И ей было уготовано блестящее будущее во Франции.

— Мама, я не совсем понимаю, — перебила я, — что значит «аристократические манеры».

— Прежде всего, — ответила мама, опять строго посмотрев на меня, — это хорошее поведение. Так вот, о прапрабабушке. Семья выбрала ей достойного жениха, и вся её жизнь была предсказуема, если бы не вмешалась сама судьба в лице моего прапрадеда.

Мне было не очень ясно, что значит «предсказуема», но на этот раз я не стала перебивать маму, а решила спросить её потом, если не забуду. Ведь все остальные сидящие за столом, кроме Адама, с интересом слушали рассказ мамы. А Адам дремал у своего дедушки, у моего папы, на руках.

— Отец мадмуазель Мари, — продолжала мама, — мы, правда, точно не знаем, как её звали, только предполагаем, — собрался в Россию по своим делам, то ли торговым, то ли дипломатическим, и решил взять дочь с собой. Вот прибыли они в Казань, остановились в одном доходном доме.

Я решила про доходный дом узнать потом у бабушки или у папы.

– Мари была немислимой красоты, – продолжила мама, – и имела обыкновение...

Тут мама сказала красивое слово на непонятном языке, но я догадалась, что на нём, на французском, *promenade* значит «прогуливаться».

...– Мари имела обыкновение прогуливаться перед обедом. И вот в одну такую променаду мадмуазель была замечена моим прапрадедом Семёном Кулаковым, совершенно обыкновенным человеком из бедной семьи, который в то время состоял на военной службе в лейб-гвардии Московского полка русской императорской армии. По служебным делам он находился в Казани. Увидев Мари, прапрадед влюбился без памяти, как говорится, по самые уши. Но он был беден как сокол, а она – невероятная красавица... И богата, и умна, и аристократична! Что делать?! И вот у молодого предприимчивого человека созрел план. Он находит через друзей военную форму высокого чина и звания, флигель-адъютанта. Выслеживает, где она проживает, и каждый день в определённое время прогуливается перед её окнами. А надо сказать, что прапрадед мой был очень хорош собой. Высокий, статный, и форма на нём сидела безупречно. Результат этого «коварного» плана не заставил себя долго ждать. Скоро мадмуазель уже «имела к нему интерес». Стали молодые люди встречаться. Узнал об этих встречах её отец, навёл справки о молодом человеке и устроил «грандиозный скандал». Но было уже поздно – девушка влюбилась без памяти и просто-напросто не поверила отцу. Мари подумала, что отец «оговаривает» Семёна и никак не желала отказываться от своего избранника.

Отец, чтобы образумить дочь, заговорил жёстко – опять же из лучших побуждений. Но Мари была непреклонна. Тогда он объявил о решении отречься от дочери и лишить её наследства. Мари и тогда не послушалась отца. Ха-

актер у неё был упрямый, как говорят, «железный». Семён организовал побег. И ночью молодые бежали из города. Ехали на упряжке лошадей, жених всю дорогу толковал о каких-то лавках. А в те далёкие времена лавками называли магазины. «Ну не совсем уж он и бедный, – рассуждала красавица. – Лавки-то имеет! Как-нибудь проживём».

И вот под покровом ночи молодые поехали к жениху на родину. Сначала через один город Вятской губернии, а оттуда дальше, в городок поменьше, потом через село. И приезжают они в маленькую деревеньку. Домик на краю – два оконца. Заходят в него, Мари сначала думала – переправа, отдохнут и дальше поедут, но Семён усадил красавицу на лавки и говорит: «Мы приехали». «А как же твои лавки?», – спрашивает изумлённая красавица. «Лавки на месте – говорит жених. – Вот одна лавка, а там, – машет он рукой, – другая! А ещё и кутник имеется!» («Кутник» – это спальное место на печи.)

Так и осталась она жить со своим любимым в маленькой российской деревушке. В конце этого повествования в роду нашем обязательно добавляют: «И ни о чём не жалела! Жила в любви и в согласии до конца своих дней».

– Вот такая история, – продолжила рассказ мама. – Имя французенки никто точно не помнит. Я, когда маленькая была, лазила на чердак старого дома в деревне. Нашла там старинную французскую книгу, а в ней пожелтевшую от времени фотографию, на обратной стороне которой было написано – Мари. Я предположила, что это она и есть – наша таинственная прапрабабушка. Но спросить об этом уже не у кого, все знающие давным-давно умерли. А остальныежимают плечами: «казанская» бабушка, и всё тут! Были времена, когда в нашей стране скрывали аристократические корни. Родственные связи все утеряны. «Французенку» переименовали в «казанскую бабушку», ну где теперь уж

отличить правду от семейной легенды. А вот традиция в семье осталась. И кое-какие фотографии у меня есть.

Моя бабушка рассказывала, что у «француженки» и Семёна было трое детей. Младший сын, Никита, – отец моей бабушки. Вот на этой фотографии он как раз стоит в центре с саблей, между своими друзьями, – показала нам мама старую фотографию в альбоме. – А это фото – предположительно Мари. То самое, из старинной французской книжки...

Мы стали с интересом разглядывать фотографии, а мама спросила:

– Почему я решила, что на этом фото не Семён, а сын его – Никита? Как думаете?

Все пожали плечами. Мама сказала:

– Ну, во-первых, форма военная не из того времени. Во-вторых, Семён был высокий и плечистый. А Никита ростом поменьше, он в свою мать-француженку пошёл. Мари была невысокого роста.

– Да, – сказал дядя Миша, – на фотографии военная форма молодому человеку явно велика.

– Никита был такой же шутник, – про-

должила мама, – как и его отец Семён. Раньше мы думали, что он в шутку переоделся для фотографии. На каком-то сайте старинных фотографий я выставила это фото и подписала: «Шуточное переодевание», но каково же было моё изумление, когда один товарищ ответил мне, что вовсе нет – это не шутка! Я стала искать в архиве информацию о своём прадедушке и событиях тех лет. И представьте себе – нашла! Действительно, это не шуточное переодевание. Кулаков Никита Семёнович, родился в 1896 году в Малмыжском уезде Вятской губернии, служил в лейб-гвардии Московского полка и в июле 1916 года был ранен и отправлен в казанский госпиталь на излечение. Скажу, судьба его в Казани не менее интересна, чем у его отца, и я предлагаю Данае и Адаму съездить со мной в город на Волге и выяснить более подробно семейную историю Никиты Семёновича.

– Ура-а!.. – закричала я, да так, что проснулся малыш Адам.

А тётя Маша сразу спросила меня:

– Как у тебя дела в школе? Какие оценки по математике?

